

DOI: 10.31857/S013038640015140-2

© 2021 г. **Е.П. КУДРЯВЦЕВА**

РОССИЙСКИЙ ПОСЛАНИК В ТУРЦИИ А.П. БУТЕНЕВ

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: demetr22@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6036-9104

Аннотация. Аполлинарий Петрович Бутенев возглавлял российское посольство в Константинополе с 1830 по 1843 г. Это были годы наибольшей стабильности в русско-турецких отношениях в первой половине XIX в. Будучи константинопольским посланником, Бутенев входил в число наиболее значимых зарубежных представителей России, а пост в Константинополе являлся одним из важнейших в зарубежной службе российского МИД, поскольку именно здесь находился своеобразный международный политический центр, оказывавший огромное влияние на жизнь всей Европы.

Фигура Бутенева никогда не привлекала специального внимания отечественных историков, несмотря на то что русско-турецкие отношения времен его службы в Константинополе не раз подвергались тщательному анализу специалистов. На 1830–1840-е годы приходится ряд важнейших внешнеполитических событий, в которых российский посланник принимал непосредственное участие. Прежде всего, это заключение Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., в подготовке которого роль Бутенева оказалась решающей. Босфорская экспедиция 1833 г. явилась уникальной военно-политической операцией, аналогов которой не было в истории российской дипломатии. Обычно успех экспедиции связывают с именами А.Ф. Орлова и Н.Н. Муравьева, в то время как возможность заключения этого крайне выгодного для России договора принадлежит российскому посланнику. Об этом свидетельствуют многочисленные докладные записки и отчеты Бутенева, направленные в Петербург.

Обладая опытом дипломатической деятельности, политическим весом в международных кругах и умением принимать самостоятельные решения, А.П. Бутенев достойно представлял интересы России в ответственный период формирования и претворения в жизнь концепции Восточной политики российского государства.

Ключевые слова: Россия, Турция, дипломатия, международные отношения, двусторонние отношения, дипломаты, А.П. Бутенев, биографии.

E.P. Kudriavtseva

The Russian Ambassador in Turkey A.P. Butenev

Elena Kudriavtseva, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: demetr22@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6036-9104

Abstract. Apollinary Petrovich Butenev was at the head of the Russian embassy in Constantinople from 1830 till 1843. These were the years of the most stable Turkish-Russian relations in the first half of the 19th century. As the envoy to Constantinople, A. Butenev was one of the most significant Russian representatives abroad, while the position in Constantinople was one of the most important postings in the Russian Foreign Ministry service since the city was an international political centre that had a huge impact on the life of the whole of Europe.

A. Butenev's diplomatic endeavours never generated a lot of interest among Russian historians, even though many scholars thoroughly analyzed the period of the Russian-Turkish relations during his service in Constantinople multiple times. The 1830s and 1840s are marked by several important events in foreign policy in which the Russian envoy was directly involved. First of all, A. Butenev played a decisive role in the drafting of the Treaty of Hünkâr İskelesi that was signed in 1833. The Bosphorus expedition of 1833 was a unique military and political operation of its time, unparalleled in the history of Russian diplomacy. Usually, the success of the expedition is associated with the names of A.F. Orlov and N.N. Muravyov, while the chance to conclude this treaty that was extremely beneficial for Russia was taken by A. Butenev. This is indicated by numerous internal memoranda and reports he sent to St. Petersburg.

With his experience in diplomatic affairs, political weight in the international circles, and the ability to make independent decisions, Apollinary Petrovich Butenev adequately and successfully represented the interests of his homeland in the crucial period when the Russian Empire formulated and implemented its concept of the Eastern policy.

Keywords: biography, A. Butenev, Russia, Turkey, Balkans, Constantinople, diplomacy, international relations, bilateral relations.

Деятельность российского дипломата Аполлинария Петровича Бутенева, многие годы представлявшего Российскую державу при Порте, безусловно, заслуживает специального внимания исследователей. Годы, проведенные Бутеневым в Константинополе, ознаменованы заключением Ункяр-Искелесийского договора, предоставившего русскому военному флоту проход через Проливы, и выходом сербско-турецких отношений на новый уровень после хатт-и шерифов 1830 и 1833 гг. Специальной литературы о Бутеневе нет. Однако документы Архива внешней политики Российской империи — инструкции МИД, отчеты и докладные записки посланника в Азиатский департамент, формулярные списки — позволяют восстановить жизненный и профессиональный путь замечательного дипломата.

Восточное направление внешней политики России всегда требовало особого внимания российского правительства. Русско-турецкие отношения отличались нестабильностью, оставаясь взрывоопасными, что приводило к частым вооруженным конфликтам. Обычно на должности посланников России в Османской империи назначались опытные дипломаты, обладавшие широким политическим кругозором, глубоким знанием особенностей службы в мусульманской стране, аналитическими способностями и возможностью оперативно оценить складывающуюся ситуацию. Все эти требования в полном объеме предъявлялись к дипломатическим работникам, представлявшим Россию в Турции в первой половине XIX в. Турецкая столица являлась важнейшим местом службы российских дипломатов; она была одним из центров европейской, да и мировой политики. Константинопольский посланник входил в число наиболее значимых зарубежных представителей России, к нему стекались все сведения о европейской политике, в зависимости от перипетий которой он должен был выстраивать взаимоотношения с Портой и своими европейскими коллегами — представителями великих держав на берегах Босфора. Все посланники, последовательно возглавлявшие Константинопольскую миссию в период правления Николая I, — А.И. Рибопьер, А.П. Бутенев и В.П. Титов — обладали опытом дипломатической работы, хорошо представляли себе те задачи по выстраиванию отношений с турецким правительством, которые ставились перед ними российским МИД. Показательно, что в Турцию назначались выходцы из исконно русских дворянских родов. Возможно, это было осознанным шагом императора, стремившегося иметь на ответственном посту в Турции русских, а, следовательно, патриотически настроенных дипломатов. Назначая в 1829 г. главой Константинопольской миссии графа Алексея Федоровича Орлова, Николай I прямо заявил, что посылает его в турецкую столицу

«потому, что он русский»¹. И хотя Орлов оставался на своем посту очень непродолжительное время, он сумел использовать свое пребывание в Османской империи для наиболее выгодного для России урегулирования имевшихся проблем. Это был ответственный период для налаживания русско-турецких отношений сразу после завершения войны 1828–1829 гг.

Задачи внешней политики России в Османской империи не менялись на протяжении десятилетий. Закрепиться на Балканах, выйти в Средиземное море и решить пограничные вопросы можно было, делая ставку на обретение союзников в лице новых самостоятельных государств балканских славян, видевших в России свою покровительницу и защитницу. Выдвигая программу общеполитического укрепления на Балканах, российское правительство должно было постоянно сталкиваться с сопротивлением, которое оказывалось со стороны главных соперников России в регионе — Англии и Франции, претендовавших на собственное преобладание в Османской империи. Считая, что дни «больного человека», т.е. Турции, сочтены, и от нации, которая «не догадалась прибить каблучки к шлепанцам»², не следует ожидать политического долголетия, европейские правительства строили планы расчленения Османских владений. В этих планах не было места России, влияние которой рассматривалось не только как нежелательное, но и как недопустимое. Послы европейских держав в Турции, как правило, являлись опытными и искушенными дипломатами, ежедневные контакты с которыми требовали от российских представителей постоянной бдительности и умения разбираться в хитросплетениях не только «большой» политики, но и не менее сложной местной османской реальности. Фигура посланника любой европейской страны в Константинополе играла одну из ключевых ролей в международной жизни: он должен был обладать опытом дипломатической деятельности, политическим весом в международных кругах, умением принимать самостоятельные решения, требовавшие одновременно настойчивости и взвешенности. Все это в полной мере относилось и к российским представителям при Порте, отношениям с которой в Санкт-Петербурге придавалось особое значение.

Получив назначение на пост посланника в османской столице в 1830 г., А.П. Бутенев, занимавший должность представителя России в марте 1831 г. — сентябре 1842 г., не сразу приступил к исполнению своих обязанностей, поскольку в Константинополе в это время еще находился чрезвычайный посланник А.Ф. Орлов. Бутенев был отлично подготовлен для работы в новой должности³. Его не надо было вводить в курс дела, поскольку он начал свою службу при миссии еще в 1816 г., когда посольство возглавлял Григорий Александрович Строганов — опытный дипломат, искушенный в хитросплетениях отношений с Османской Портой. Бутенев прошел отличную школу дипломатической работы и знал обо всех «узких местах», ждавших своего решения в русско-турецких отношениях. К началу его деятельности на посту посланника отношения между Россией и Портой вышли на новый уровень развития. В 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор, согласно которому Россия приобретала Кавказское побережье Черного моря и острова на Дунае. Эти территориальные приобретения вызвали резкое неприятие европейских держав, поскольку серьезно укрепляли влияние России на Балканах и в регионе Черноморских проливов. Получив назначение, Бутенев имел полное представление о своей главной задаче: он должен был восстановить дружеские отношения с османским правительством, отстаивая при этом необходимость исполнения всех условий заключенного мирного договора. Бутенев получил достаточно широкие полномочия по ведению переговоров с турецким правительством и мог

¹ Николай I — И.И. Дибичу. 9 июня 1829 г. // Русская старина. 1881. Т. XXXII. С. 5579.

² Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857. С. 598.

³ Подробнее см.: Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010. С. 234–237.

использовать разнообразные методы воздействия на Порту, с помощью которых можно было бы добиться желаемых результатов. Он собирался строить свои отношения с Портой таким образом, чтобы добиваться поставленных целей, используя настойчивое стремление турок снизить значительные денежные выплаты по контрибуции, — а этого турецкое правительство могло достичь с помощью уступок России в решении интересующих ее вопросов.

Аполлинарий Петрович Бутенев родился в 1787 г. в мелкопоместной дворянской семье. Уроженец села Гриденки Медынского уезда Калужской губернии, он проделал путь от бедного приживала в знатном семействе Афанасия Николаевича Гончарова — деда жены А.С. Пушкина, до «государственного мужа и философа» — так назвал его Ламартин, бывший его собеседником в Париже. Бутенев получил неплохое домашнее образование под руководством француза-эмигранта, который был не кем иным, как братом известного революционера Марата. Афанасий Николаевич представлял собой тип екатерининского вельможи, жившего на «широкую ногу»; он обладал значительными средствами, содержал музыкантов, хор из 40 крепостных, огромную псарню, поскольку был заядлым охотником. Взяв в дом сына своего приятеля по охоте Бутенева, он воспитал его вместе со своим сыном — будущим отцом Наталии Николаевны Гончаровой. Два константинопольских посланника — Г.А. Строганов и А.П. Бутенев — имели непосредственное отношение к семье жены великого поэта: Строганов приходился Гончаровой двоюродным дядей, а Бутенев воспитывался вместе с ее отцом.

Воспитание в доме Гончарова предоставило молодому Бутеневу еще одну значительную, а возможно, судьбоносную, выгоду. По рекомендации воспитателя Аполлинария Петровича принял на службу фельдмаршал князь А.Н. Салтыков, который на протяжении многих лет неизменно оказывал молодому человеку покровительство. Поначалу Бутенев занимал незначительную должность в переводческой канцелярии Коллегии иностранных дел, потом — в секретариате Салтыкова, но позже — и вновь по протекции — продолжил службу под начальством А. Чарторыйского, а затем директора Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникина. Как и всякий служащий внешнеполитического ведомства, он прежде всего должен был уметь составлять деловые бумаги, депеши и ноты, что являлось необходимостью для дипломатического представителя России любого ранга и было «азами» дипломатической службы⁴.

В своих «Воспоминаниях», к сожалению охватывавших только его молодые годы, Бутенев отметил, что именно при Чарторыйском было введено в моду переписываться с российскими зарубежными представительствами по-французски; до этого дипломатическая переписка в основном велась на русском языке. Поначалу Бутенев исполнял единичные поручения в качестве дипломатического курьера в Англию. На пути туда в 1813 г. он имел случай познакомиться в Веймаре с И.-В. Гете. Наконец в 1816 г. Бутенев попал в Константинополь на должность первого секретаря⁵, в чем ему помог все тот же князь Салтыков.

Безусловно, годы, проведенные Бутеневым в Константинополе под руководством Г.А. Строганова, стали отличной школой для его будущей самостоятельной деятельности в качестве посланника. Тем более что вопросы русско-турецкого урегулирования после заключения Бухарестского договора 1812 г., которые стояли перед Строгановым, требовали своего разрешения и в годы пребывания Бутенева в должности российского посланника. Прежде всего, это был сербский вопрос. Строганов, установив тесную связь с сербским лидером Милошем Обреновичем, неизменно настаивал на предоставлении Сербии статуса автономии, что было зафиксировано VIII статьей Бухарестского мира. Но только при Бутеневе этот вопрос нашел свое окончательное решение, что произошло

⁴ Воспоминания Аполлинария Петровича Бутенева // Русский архив. М., 1881. № 3. С. 54.

⁵ Бутенев, Аполлинарий Петрович // Русский биографический словарь. Т. 3 (Бетанкур-Бякстер). СПб., 1908. С. 518.

в 1830 г., когда Порты издала соответствующие документы и ввела автономное управление Сербией⁶.

В 1821 г. российская миссия покинула османскую столицу в связи с осложнением русско-турецких отношений на фоне вспыхнувшего восстания в Греции. В Европе ожидали начала русско-турецкой войны, но война разразилась только в 1828 г. Во время военных действий Бутеневу удалось хорошо зарекомендовать себя, возглавляя походную канцелярию управляющего МИД вице-канцлера графа К.В. Нессельроде. Все служащие константинопольской миссии, принявшие участие в военной кампании в качестве переводчиков и драгоманов, получили поощрение, способствовавшее их дальнейшему продвижению по службе. Для Аполлинария Петровича участие в войне стало ступенькой для успешного карьерного роста — он был назначен поверенным в делах, а в конце 1830 г. получил назначение на пост посланника в Константинополе⁷.

В 1834 г. Аполлинарий Петрович — к тому времени вдовец после смерти супруги Варвары Шевич — вторично женился на фрейлине императрицы графине Марии Ириниевне Хрептович. Благодаря этому браку он неожиданно оказался в родстве с вице-канцлером К.В. Нессельроде, поскольку его дочь Елена Нессельроде вышла замуж за родного брата Марии — Михаила Ириниевича Хрептовича⁸. Константинопольская миссия являлась завидным местом службы для петербургских дипломатов — именно сюда был назначен (а скорее, просто числился) сын вице-канцлера Дмитрий Нессельроде. О благоволении Нессельроде к Бутеневу говорит тот факт, что супруга Карла Васильевича — Мария Дмитриевна — стала крестной матерью (заочной, что позволялось церковью) родившейся в Буюк-Дере дочери Бутенева Марии⁹.

С энтузиазмом приступил Аполлинарий Петрович к исполнению своих обязанностей посланника. Он был уполномочен наладить отношения с Портой и заставить ее выполнить статьи заключенного в 1829 г. Адрианопольского мира. Это прежде всего касалось решения сербской проблемы. В бытность секретарем при миссии Строганова Бутенев наблюдал за тем, как посланник пытается склонить турецкое правительство к выполнению статей Бухарестского мира. И вот теперь эту работу следовало продолжить Бутеневу, опираясь на статьи уже другого мирного трактата.

Настойчивость посланника привела к тому, что в 1830 г. от Порты был получен обещанный хатт-и шериф, который предоставлял Сербии права самоуправления, а в 1833 г. издан повторный документ. Однако эти документы еще не решали сербскую проблему в полной мере, поскольку Сербии не были возвращены шесть округов, которые были отторгнуты от нее в 1813 г. после поражения Первого сербского восстания. Именно этот вопрос должен был решить Бутенев в ходе русско-турецких переговоров: конференции Бутенева с членами Дивана по сербскому вопросу происходили регулярно, и требования русской стороны были неизменными. Бутеневу даже пришлось прибегнуть к ультиматуму, который содержался в направленной Порте ноте; этому же вопросу был посвящен целый ряд последующих переговоров. Пограничный вопрос оказался в центре специально подготовленного Бутеневым «Меморандума», в котором подробно излагалась история пограничных разногласий и приводились картографические описания Сербии. Эти описания были хорошо известны посланнику, поскольку для их составления сразу после завершения русско-турецкой войны в Сербию из России были присланы российские офицеры, которые и подготовили соответствующие документы, представленные

⁶ См. подробнее: *Кудрявцева Е.П.* Россия и становление сербской государственности 1812–1856. М., 2009. С. 71–72.

⁷ Указ о назначении Бутенева от 23 октября 1830 г.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. ГА IV-2. Оп. 119. Д. 24 (1830–54). Л. 1.

⁸ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. СПб., 2001. С. 657.

⁹ АВПРИ. Ф. Главный архив IV-2. Оп. 119. Д. 24 (1830–54). Л. 136.

позже Порте¹⁰. Следует признать, что вслед за Строгановым Аполлинарий Петрович приложил немало усилий для претворения в жизнь тех требований, которые были зафиксированы в русско-турецких мирных трактатах, и завершения «сербского вопроса».

«Акт сей, — писал о хатт-и шерифе сербский князь Милош Обренович К.В. Нессельроде, — издействован сильным покровительством России и неусыпными и усердными наставлениями ее»¹¹. Лишь многолетняя целенаправленная деятельность российской дипломатии, направленная на претворение в жизнь статей Бухарестского договора, Аккерманской конвенции и Адрианопольского трактата привела в конечном счете к появлению хатт-и шерифов Порты в пользу Сербии. Именно эти акты международно-правового характера позволили Сербии обрести государственность, пусть пока и в форме автономии. Роль России в получении этих документов имела определяющее значение — от позиции руководства российского МИД, имевшего четкую внешнеполитическую программу, и настойчивой работы российских дипломатов в Константинополе во многом зависел успех проводимой Россией политики на Балканах.

Греческий вопрос, наряду с сербским, также требовал дипломатических усилий посланника. Великобритания отказалась признавать правомерность включения статей о статусе Греции в текст Адрианопольского мира. Премьер-министр Англии направил в Петербург ноту с протестом, опасаясь чрезмерного усиления России на Балканах¹². Европейские державы не могли допустить, чтобы Греция, так же как и Сербия, оказалась в сфере преобладающего влияния России. Чтобы не допустить этого, английское правительство выступило с предложением предоставить Греции полную независимость от Османской империи; в феврале 1830 г. был подписан соответствующий Лондонский протокол. Петербургский кабинет поддержал это предложение, которое отнюдь не противоречило внешнеполитическим планам России в Балканском регионе, назначив временно уполномоченным России в греческом государстве советника константинопольской миссии П.И. Рикмана. В 1833 г. Г.А. Катакази, также бывший дипломатический чиновник российского посольства в Константинополе, стал первым посланником России в Греции.

Не выпадала из поля зрения Бутенева и проблема Дунайских княжеств. В 1831 г. в Валахии, а в 1832 г. — в Молдавии вошли в силу Органические регламенты, являвшиеся по существу конституционными актами. В них законодательно был определен административный статус новых государственных учреждений. Безусловно, эти документы стали новым шагом к будущей независимости и объединению Княжеств в единое государство. Эти перемены в политическом устройстве балканских провинций — Сербии и Дунайских княжеств — явились результатом решений, зафиксированных в Адрианопольском трактате. Все инициативы российского правительства, направленные на поддержку самоопределения балканских народов, рассматривались западноевропейскими правительствами как очередные шаги к разрушению Османской империи.

В 1833 г. Бутенев принял непосредственное участие в урегулировании турецко-египетского конфликта и подписании Ункяр-Искелессийского договора. История его заключения достаточно необычна — в ходе разгоревшегося ближневосточного кризиса 1832–1833 гг. российские войска пришли на помощь своему многовековому противнику — турецкому султану. Россия на какое-то время поменялась ролями с поддерживавшими ранее целостность Османской империи ее западными союзниками — Англией и Францией, которые в решающий момент отказались помочь турецкому владыке. Более того, перед Портой встала реальная угроза того, что одна из ее «союзниц», Франция,

¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Д. 49. Оп. 468. Л. 606–612 об. Memorandum explicatif pour la délimitation des six districts à réunir à la Servie.

¹¹ Милош Обренович — К.В. Нессельроде. 2 декабря 1833 г.: Там же. Ф. ГА V-A2. Д. 214. Л. 18 об.

¹² Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XI. СПб., 1895. С. 422.

в какой-то момент была готова поддержать мятежного владетеля Египта Мухаммеда Али, поскольку сама рассчитывала занять в Египте место политического патрона. Подобная позиция держав позволила России, к великому неудовольствию европейских стран, в очередной раз решать Восточный вопрос без их участия.

Уникальность русско-турецкого Ункяр-Искелесийского договора заключается в том, что само наличие дружественного соглашения между Россией и Турцией достаточно необычно, принимая во внимание постоянные войны на протяжении XVIII и XIX вв. Многие исследователи балканской политики России и Восточного вопроса считают этот договор вершиной политического успеха России на Ближнем Востоке. Чтобы оценить логичность решения об оказании Турции военной помощи в борьбе с мятежной пашой, следует вспомнить о формировании восточной внешнеполитической доктрины России.

Еще в начале XIX в. канцлером Н.П. Румянцевым был выдвинут тезис, что Россия не нуждается в расширении своих пределов и поэтому будет поддерживать существование Османской империи в ее границах, не претендуя на отдельные территории Турции. Это были тезисы, которые позже лягут в основу всей Восточной политики России и станут главным постулатом, поддержанным и при заключении Адрианопольского договора 1829 г., и во время Восточного кризиса 70-х годов, и в начале XX в. Именно эта внешнеполитическая доктрина получила одобрение на заседании Особого комитета, состоявшемся в Петербурге в сентябре 1829 г. Основным выводом, сделанным по итогам заседания, стал тезис о том, что существование Османской империи представляет для России большую выгоду, чем ее распад¹³. Известно, что к бумагам Румянцева и заседаниям Особого комитета 1829 г. обращались все последующие министры иностранных дел, когда речь заходила о выработке внешнеполитической концепции России на Востоке. И каждый раз уже принятые решения признавались наиболее приемлемыми и отвечающими интересам Российской державы. Для западных держав статус-кво в Турции означал поддержание пресловутого «баланса сил» и «европейского равновесия» в целом. Таким образом, сохранение Османской империи представлялось выгодным как российской, так и западноевропейской стороне и гарантировало стабильность в Средиземноморском регионе. В европейской печати этого времени появились карикатуры, изображавшие международное «равновесие» в виде весов, с турецким султаном в центре, чаши которых уравнивали русский штык.

В подготовке и заключении Ункяр-Искелесийского договора приняли участие специально уполномоченный Николаем I граф А.Ф. Орлов, посланник А.П. Бутенев и генерал Н.Н. Муравьев. Когда ближайший друг российского императора Алексей Федорович Орлов прибыл в Константинополь, на рейде турецкой столицы уже стояли русские суда с военным десантом на борту. Две русские эскадры уже вошли в Босфор, и русский десант расположился лагерем на азиатском берегу пролива. Именно к Орлову перешли бразды правления в переговорах с турками от посланника А.П. Бутенева и генерала Н.Н. Муравьева, которому ранее подчинялись все военные силы на Босфоре. Орлова хорошо знали турецкие власти, после того как он принял участие в заключении Адрианопольского мирного договора в 1829 г. и на некоторое время был назначен чрезвычайным посланником при Порте. Общительный, но твердый характер графа снискал уважение турецкого правительства. После прибытия в Константинополь блестящий российский вельможа сосредоточил в своих руках управление сухопутными и морскими силами; к нему перешли все полномочия по ведению политических переговоров с Портой. Именно Орлов подписал договор, который не только прибавил славы самому императорскому посланнику, но и явился уникальным документом, предоставлявшим

¹³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 468. Д. 1098. Л. 87. «Обозрения главнейших сношений России с Турцией и начал, на коих должны быть установлены на будущее время».

России право прохода через Проливы военных судов. Однако не следует забывать, что успеху Орлова предшествовала упорная работа посланника Бутенева и генерала Муравьева.

Бутенев сыграл решающую роль в том, что заключение договора стало возможным. Уже после того, как в Константинополь прибыла первая русская эскадра под командованием адмирала М.П. Лазарева, турки под давлением европейских дипломатических миссий были готовы отказаться от русской помощи. Эта ситуация была вполне ожидаемой, ибо, по словам Муравьева, «мы распространяли влияние свое без кровопролития и овладевали проливами без победы»¹⁴. Английский и французский представители заявили о том, что готовы собственными силами справиться с возникшим кризисом при условии вывода российского флота из Босфора. Посол Франции А.Р. Руссен заявил Порте протест, в связи с чем турецкое правительство поставило перед Бутеневым вопрос о выводе русской эскадры. Российский посланник был возмущен тем, что в турецком документе содержался пассаж о том, что сам этот протест был предпринят Портой «в угоду французскому посланнику»¹⁵. Бутенев решительно заявил, что не примет турецкой ноты, поскольку она составлена под давлением Франции. «Сей смелый поступок Бутенева сделал тогда решительный переворот в делах политики», — писал Муравьев¹⁶. При этом французские военные суда к тому времени уже прибыли в Смирну, где ждали соединения с линейными кораблями из Англии для совместных действий против российских морских сил.

Турки не осмелились противоречить Бутеневу, поскольку вместо ожидаемой помощи могли получить противодействие еще одного противника — России. После того как Порте удалось противостоять настояниям западной дипломатии, чему немало способствовала твердость Бутенева, события стали развиваться по российскому сценарию. Десантные войска были расположены в лагере на азиатском берегу Босфора. Вскоре они были дополнены прибывшим в марте на судах под командованием контр-адмирала М.Н. Кумани вторым десантным отрядом. Российские моряки должны были защищать турецкую столицу от войск Мухаммеда Али, претендовавшего на власть в ряде османских владений. Османское правительство демонстрировало дружеские чувства к прибывшим русским «гостям». Лагерь на азиатском берегу Босфора хорошо снабжался всем необходимым, а на Пасху 2 апреля 1833 г. все православные солдаты и матросы получили «красные» яйца и местное вино, а также другие подарки, которые состояли «для нижних чинов: из большого количества яиц, солонины, водки, винных ягод и других лакомств; а для офицеров — из французских вин, рому, сахару, турецких конфетов и миндалю»¹⁷. Все участники экспедиции были награждены специально выбитыми медалями в память о предпринятом походе.

Султан всячески демонстрировал приязнь к русским войскам, он произвел смотр десантного отряда, причем владыка мусульман приветствовал солдат по-русски: «Здорово, ребята!». Вся эта радужная картина, когда, по описанию свидетелей, русские солдаты наслаждались пребыванием в лагере среди красивейшей южной природы, проводя время в молодецких играх и исполнении народных песен, послушать которые собиралось по вечерам все высшее общество Константинополя с другого берега Босфора, завершилась, наконец, подписанием договора, получившего название Ункяр-Искелесийского по месту пребывания русского десанта.

Орлов привез с собой из Петербурга уже готовый текст договора. Алексей Федорович имел предписание императора начать переговоры о его условиях только в том случае, если Порта выскажет свое намерение закрепить состоявшиеся переговоры специальным соглашением. Уже во второй раз, после подписания Адрианопольского мира, Орлову

¹⁴ *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869. С. 217.

¹⁵ Д.П. Татищев — К.В. Нессельроде. 14(26) марта 1833 г.: АВПРИ. Ф.133. Канцелярия. Оп. 468. Д. 211. Л. 314 об.—315.

¹⁶ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 159.

¹⁷ Санкт-петербургские ведомости. № 98. 29 апреля 1833 г.

удалось склонить турок на заключение крайне выгодного для России договора. Несмотря на то что документ носил оборонительный характер, он имел исключительно важное значение, поскольку предоставлял России право проводить свой военный флот через Босфорский пролив в случае войны Турции с третьей державой. Османское правительство, в свою очередь, обязалось закрывать Дарданеллы для неприятельских Турции и России флотов европейских стран¹⁸. Безусловно, условия договора были крайне выгодны для России и являли собой вершину ее успеха в Восточной политике. Договор явился логическим продолжением двух заключенных ранее русско-турецких соглашений 1798 и 1805 гг., которые уже предоставляли русскому военному флоту право плаванья в Проливах. Ункяр-Искелесийский договор подтверждал это право в новой политической ситуации и на новом этапе развития Восточного вопроса. Европейские державы сочли условия договора «непозволительными», приложив в дальнейшем максимум усилий для их отмены.

Заслуга Бутенева при подготовке к подписанию договора очевидна — она заключается в том, что сама возможность вести переговоры о русско-турецком трактате была предоставлена российским дипломатам благодаря твердой позиции посланника, отвергшего запоздалые требования османского правительства по поводу вывода русского флота из Босфора. От решения Бутенева в конечном итоге зависело, оставаться ли российским кораблям на рейде Константинополя. На особую роль, которую сыграл российский посланник в благоприятном завершении русско-турецких переговоров, указывает в своих воспоминаниях Н.Н. Муравьев, на глазах которого разворачивались события. «По скромности Бутенева блистательный подвиг его остался безгласен», — сожалел генерал, полагая, что в Петербурге недооценили как личные достоинства дипломата, умевшего явить твердость в нужный момент, так и его вклад в завершение всего Босфорского похода¹⁹. Правда, нельзя сказать, что успехи Аполлинария Петровича остались совсем незамеченными — после заключения договора Бутенев был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени²⁰.

Именно Н.Н. Муравьев, деятельность которого была связана с поручением Николая I провести переговоры между Мухаммедом Али и Махмудом II и подготовить султана к принятию русского флота, мог вполне оценить роль Бутенева в успешном завершении Босфорской экспедиции. По личному поручению императора генерал был послан сначала в Египет, а затем в Турцию, как опытный военный, к тому же владевший турецким языком. Именно Муравьев провел всю подготовительную работу по принятию русского флота, включая переговоры с турецкими министрами. Прибытие в Константинополь Орлова изменило обстановку — с приездом блестящего императорского уполномоченного Муравьев отошел на второй план. Однако следует помнить, что и Муравьеву, и Бутеневу по праву принадлежит значительная часть успеха в подготовке и заключении знаменитого договора, предоставившего России небывалые преимущества в Средиземноморском регионе.

По предложению Муравьева, вложившего в экспедицию много дипломатических усилий и организационного таланта, на азиатском берегу пролива был оставлен памятный знак в виде простого камня. Надпись на камне должна была гласить: «В память Олега — полки Николая». Орлов нашел эту надпись неуместной, поскольку она вызывала ассоциации с завоеванием далеких дней, и оставил лишь сухую дату события — «июня 25 дня 1833 года», которая даже туркам показалась слишком лаконичной и ничего не говорящей. Они дополнили надпись на этом же камне, решив в некоторой степени объяснить суть происходивших событий. В результате надпись гласила: «Сей отломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится

¹⁸ Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 92.

¹⁹ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 191.

²⁰ АВПРИ. Ф. ГА IV-2. Оп. 119. Д. 24 (1830–54). Л. 2.

дружба между обеими державами твердости и постоянности камня сего, и да будет она долго воспеваема устами друзей». Если отбросить восточную витиеватость, то становится ясно, что на первый план выходит упоминание о русских войсках как о «гостях». Именно этот аспект пребывания русских войск на Босфоре был важен Порте для сохранения впечатления о вполне независимых действиях в глазах современников и потомков.

Находясь в Константинополе, Бутенев, как и предшествующие посланники, старался поддерживать престиж России, устраивая пышные празднества и приемы в посольстве, которое было самым многочисленным дипломатическим представительством в турецкой столице. Оно являлось центром не только политической, но и светской жизни Константинополя. Именно при Бутеневе было начато и полностью завершилось строительство нового посольского дома — дворца в Пере, который был торжественно открыт и освящен уже при преемнике Бутенева — В.П. Титове. Кроме строившегося нового здания посольства российская миссия владела деревянным дворцом в Буюк-Дере на Босфоре, куда члены миссии выезжали в летнее время и где скрывались во время чумных эпидемий в Константинополе. Описание одного из приемов в российской резиденции в Буюк-Дере оставил генерал Муравьев. «В вечеру был у Бутенева бал, — вспоминал он. — Разноцветные и богато вышитые мундиры чиновников всех миссий Европы придавали много наружного блеска съезду, уподоблявшемуся пышным собраниям просвещенной страны. В этом кругу говорили на всех языках, хотя французский самый употребительный; тут встречаешь людей с понятиями и образом мыслей всех концов земли; ученых, политиков, путешественников, военных, торговцев»²¹. Кроме официальных приемов Бутеневы устраивали домашние вечера, участниками которых были члены посольства и гости посланника. Постановки любительских спектаклей привлекали константинопольское общество, тем более что в них принимали участие известные дипломаты, а за декорации в 1836 г. отвечал Карл Брюллов, гостивший у посланника. Кисти Брюллова принадлежит также прекрасный портрет жены посланника — Марии Бутеновой с дочерью на террасе буюкдерского дома²².

Бутенев был одним из немногих посланников в Константинополе, покинувших свой пост не в результате русско-турецкого конфликта, а по собственному желанию. В 1842 г. он просил об отставке в связи с ухудшением здоровья и некоторое время лечился на европейских курортах. Уже в 1843 г. Бутенев продолжил свою дипломатическую деятельность, получив назначение на пост российского представителя в Риме. После завершения Крымской войны он вернулся в Константинополь в качестве посланника с надеждой на восстановление русско-турецких отношений. Однако его возвращение было краткосрочным — через два года Бутенев оставил свой пост по состоянию здоровья. За все время службы Аполлинарий Петрович был награжден двадцатью русскими и иностранными орденами и медалями. Современников привлекала необыкновенная скромность этого человека, «ибо он трудился не из видов тщеславия, но со свойственным уважением к обязанностям и самоотвержением, знаменующими благородную душу, не имея ничего в виду, кроме успеха самого дела»²³.

Деятельность Аполлинария Петровича Бутенева на посту российского посланника в Турции была отмечена важнейшими событиями в истории двух империй. Он возглавил константинопольскую миссию в один из наиболее стабильных периодов русско-турецких отношений. Долгие годы находясь на службе в посольстве и зная все тонкости методов ведения переговоров с Портой, обладая четкостью чиновника, выбившегося из низов, и твердостью принципов в исполнении служебного долга, Бутенев немало способствовал тому, чтобы двусторонние отношения между Турцией и Россией оставались стабильными и предсказуемыми. Успешному течению событий, прежде всего,

²¹ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 140.

²² Бутенев М.А. История старой русской дворянской семьи. М., 2002. С. 56.

²³ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 27.

способствовала благоприятная международная обстановка. Не следует забывать, что Бутенев принял бразды правления в посольстве вскоре после победоносного для России завершения русско-турецкой войны и заключения Адрианопольского мира. Правительства Российской и Османской империй были крайне заинтересованы в укреплении дружественных отношений, а Турция, как сторона, потерпевшая поражение, нуждалась в этом вдвойне, стремясь к снижению своих контрибуционных выплат. Стабильность в русско-турецких отношениях безусловно благоприятствовала деятельности Бутенева на его посту, однако и сам дипломат проявил свои лучшие качества, которые способствовали как его личным достижениям, так и внешнеполитическим успехам российской державы.

Библиография

- Бутенев М.А.* История старой русской дворянской семьи. М., 2002.
Воспоминания Аполлинария Петровича Бутенева // Русский архив. М., 1881. № 3. С. 5–84.
Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.
Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.
Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XI. М., 1895.
Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. III. СПб., 1857.
Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 г. М., 1869.
Русский биографический словарь. Т. 3 (Бетанкур–Бякстер). СПб., 1908.
Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. СПб., 2001.
Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

References

- Butenev N.A.* Istorija staroj ruskoj dvoranskoj semji [The history of the old Russian noble family]. Moskva, 2002. (In Russ.)
Vospominanija Apolinarija Petrovicha Buteneva [Memoirs of A.P. Butenev] // Ruskij arhiv [Russian archive]. 1881. № 3. P. 5–84. (In Russ.)
Kudriavtseva E.P. Rossija i stanovlenije serbskoj gosudarstvennosti. 1812–1856 [Russia and the origin of the Serbian state. 1812–1856]. Moskva, 2009. (In Russ.)
Kudriavtseva E.P. Russkije na Bosfore. Rossijskoje posolstvo v Konstantinopole v pervoj polovine XIX veka [Russians on the Bosphorus. The Russian Embassy in Constantinople in the first half of the 19th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)
Martens F.F. Sobranije traktatov i konvencij zaklucennih Rossieju s inostrannimi derzavami [The collection of the treatises and conventions of Russia with foreign states]. T. XI. Moskva, 1895. (In Russ.)
Milutin D. Istorija vojni 1799 goda mezdu Rossijej i Francijej v carstvovanije imperatora Pavla I [The history of the war of 1799 between Russia and France in the time of Paul the first]. T. III. Sankt-Peterburg, 1857. (In Russ.)
Muravjev N.N. Russkije na Bosfore v 1833 g. [Russians on the Bosphorus in 1833]. Moskva, 1869. (In Russ.)
Russkij biograficheskij slovar [Russian biographic dictionary]. T. 3. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)
Shilov D.N. Gosudarstvennije dejateli Rossijskoj imperii. 1802–1917 [Statesmen of the Russian empire. 1802–1917]. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)
Juzefovich T. Dogovori Rossii s vostokom, politicheskije i trgovije. [Political and commercial treaties between Russia and Orient]. Sankt-Peterburg, 1869. (In Russ.)